

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
АТРИБУТ ВЛАСТИ

Чингиз Акифович Абдуллаев

Душа сутенера

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170003

Атрибут власти: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-048227-6, 978-5-271-18782-7

Аннотация

Он - сутенер. Но - не просто сутенер. Он - человек, обеспечивающий «досуг» самых высокопоставленных чиновников России. Хорошая профессия? Да. Доходная? О да! Опасная? К сожалению, и это - да. Когда он решился шантажировать видеокompроматом одного из самых элитных своих клиентов, он был готов к риску. К опасности. Но не к тому, что запутается в лабиринте чужих далеко идущих планов. Не к тому, что его попытаются сделать даже не пешкой, но ферзем в чужой игре. В игре сложной, изысканной и - смертельно опасной. В игре, выйти из которой практически невозможно...

Содержание

Вместо вступления	4
Рассказ первый	13
Интерлюдия	28
Рассказ второй	37
Рассказ третий	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Чингиз Абдуллаев

Душа сутенера

Кто воюет с чудовищами, пусть обернется на себя.

Фридрих Ницше

Вместо вступления

1

Почему мужчины так плохо ко мне относятся? Почему они меня презирают? Ведь все должно быть наоборот. У женщин я неизменно вызываю симпатию, тогда как мужчины, которые пользуются моими услугами, откровенно считают меня ничтожеством. Вот и сейчас этот тип протягивает мне деньги с таким видом, словно брезгует даже находиться со мной в одном помещении и вообще дышать одним воздухом. Может, мне из-за его брезгливости переехать куда-нибудь на Марс? Этот невысокий лысоватый сукин сын еще полчаса назад радостно кудахтал в компании двух моих девочек. А я сидел в соседнем номере и охранял покой этого мерзавца. Ведь я не просто сводник. Или сутенер, как гово-

¹ Все совпадения носят чисто случайный характер и не подразумевают конкретных лиц, которые могут узнать себя в этом романе. – (Автор.)

рят французы, знающие в таких делах толк. Я в некотором роде профессионал. И должен не только поставлять девочек, но и обеспечивать их безопасность. Как и безопасность клиента.

Мои ребята всегда со мной. Они сидят в машине перед отелем и в случае необходимости готовы немедленно вмешаться. А я пью свой любимый джин-тоник и жду, когда наконец мой клиент позволит девочкам уехать. Он продержал их больше трех часов. Тогда как мы договаривались только на два. Конечно, он должен заплатить за лишний час, но этот ублюдок не заплатит. Он смотрит на меня так, как смотрят на вошь, на гниду, которую он случайно обнаружил в своем номере. Ненавижу получать деньги с этих мерзавцев после их грязных забав. Деньги нужно получать всегда до того, как клиент начнет общаться с девочками. Так я учу и новичков-охранников, которые выезжают с девочками на «вызовы».

Когда мужчина распаляется при виде моих девочек, когда у него все звенит от напряжения (хотел написать другие слова, но, думаю, вы понимаете, в каком состоянии бывает мужик, когда хочет бабу), вот тогда и нужно получать деньги. Тогда мы для него – настоящие благодетели. Можно сказать, источники его наслаждения. Тогда любой самец готов выложить огромную сумму за право обладать моими девочками.

Но сейчас все по-другому. Все совсем по-другому. Он уже остыл. Иссяк. Он получил все, что хотел. Теперь он испыты-

вает чувство опустошенности и безразличности. Я ведь таких тысячи видел. Сначала умирают от желания, а после того как получили удовольствие, начинают воротить морду от дамы, которая это удовольствие им и доставила. Может, потому ко мне женщины нормально относятся, что у меня они никогда не видят такого выражения лица. И никогда не увидят. Может, они это чувствуют?

Для меня любая женщина – это нормальный человек, вне зависимости от того, чем она занимается. Если согласна со мной сотрудничать – превосходно, значит, она мой товарищ, коллега по совместному бизнесу. Если не хочет, все равно неплохо, значит, у нее сохранились моральные принципы. В наше время это немало. Мне, правда, это в убыток, но ради торжества морали я готов пойти даже на некоторые издержки. Конечно, не в том случае, когда какая-нибудь прощановка начинает качать права. Вот тогда я бываю и строгим, и очень принципиальным. А в остальных случаях любая женщина точно знает, что на меня можно положиться.

Знаете, почему я не взял деньги с клиента заранее? Почему привез этой плешивой гниде лучших своих девочек? Почему сидел в соседнем номере, охраняя его покой? Да все потому, что мне за него уже заплатили. Гораздо больше, чем он сейчас сует мне со скучающе-безразличной миной. Что я могу получить за двух девочек, даже самых лучших? От четырехсот до двух тысяч баксов. Для меня это давно уже не деньги. Мне за плешивого заплатили двадцать тысяч! Два-

дцать тысяч долларов, чтобы я привез к нему лучших своих девочек.

Думаете, кто-то решил сделать ему подарок? В моей практике бывало и такое. Но как бы не так! На самом деле этот плешивый – министр одной из среднеазиатских республик. Заместители, зная его слабости, решили подставить своего шефа таким паскудным образом. Мне это до лампочки. Свои деньги я все равно получил. Он еще не знает, что скоро ему будет не до веселья. Со мной в номере находился оператор, который снял всю сцену на видео. Теперь пленка будет дорого стоить. Я сам такими вещами никогда не занимаюсь – репутация стоит дороже. Но его заместители сами нашли оператора и оплатили работу. Мне оставалось только помочь дураку-министру остаться наедине с моими девочками.

Поэтому я и не взял с него деньги заранее. Сейчас он бросил деньги на стол, отвернулся, словно ему противно на меня смотреть. Напрасно. Если бы не отвернулся, то увидел бы улыбку на моем лице. Я ведь прекрасно знаю, что вскоре произойдет. Я могу предсказать его будущее. У плешивого оно очень нерадостное. Впрочем, он не просит меня выступить в роли оракула. А я не собираюсь посягать на лавры бабушки Ванги. Мое дело забрать деньги, которые он бросил на стол, и уйти не попрощавшись. Пусть почувствует, что я обиделся. Впрочем, нет. Я с ним прощаюсь. Униженно кланяюсь, говорю «до свидания». Он даже не соизволил мне ответить. Нужно видеть это надменное и гордое лицо! Ему, ви-

дите ли, противно разговаривать с каким-то сводником! Я его понимаю. И поэтому улыбаюсь еще шире.

Оператор уже уехал. Все кончено. Пленка начала свою самостоятельную жизнь. Лицо у моего клиента опухшее, под глазами мешки — видимо, ведет нездоровый образ жизни. Думаю, что обширный инфаркт или внезапный инсульт, когда он узнает об этой пленке, ему гарантированы. Напрасно он со мной не попрощался. Напрасно. Я ведь человек принципов. Может, я сумел бы договориться с оператором и предложил бы самому министру купить эту пленочку. За вполне подходящую цену. Они ведь сейчас хапают деньги, как «независимые» республиканские министры. Они все теперь «независимые». Могут действовать без оглядки на Москву. Представляете, как они теперь живут? Они и раньше были далеко не бедными людьми, а сейчас превратились в миллионеров. Но я думаю, что после такой пленки мой плешивый клиент на своем месте не усидит.

Но это меня уже не колышет. Девочки исправно отработали три с лишним часа, я получил свои деньги, мое дело исчезнуть. Конечно, потом он будет пытаться меня найти, конечно, он будет нервничать и даже угрожать. Но все это будет напрасно. Есть пленка с его телодвижениями, а все остальное только слова без доказательств. И все-таки, почему мужчины меня так не уважают? Мне всегда бывает обидно, когда я смотрю на их довольные рожи. Словно заодно с моими девочками они использовали и меня, а теперь им не хочет-

ся платить за полученное удовольствие. Или мне это только кажется?

Может, у меня какие-то комплексы? Может, подсознательно я ощущаю свою работу позорной, и поэтому мне кажется, что каждый клиент готов плюнуть мне в рожу? Да нет, пожалуй, нет. Я ведь циник и знаю, как нужно мужику почувствовать хорошую женщину. Хорошее женское тело. И чтобы она еще умела с ним поговорить. И чтобы она тебя пожалела голенького, имитировав неподдельный интерес. И чтобы обсосала тебя, вонючего ублюдка, чтобы восторгалась запахом твоего немытого тела. Ведь большинство мужиков считают, что перед встречей с проститутками мыться необязательно. Что это можно сделать и после. Если, конечно, встреча не происходит в сауне. Если бы мои девочки попали в Японию, они бы переплюнули любую гейшу.

Знаете, как легко определить отношение мужчины к женщине? Спросите, когда он моется. Если до встречи – значит, будет встречаться с любовницей, если после – значит, с моими девочками. А если не моется вовсе – значит, с женой. Вот вам типичный образец скотины, которая гордится тем, что он двуногий самец.

Только не думайте, что я не люблю мужчин! Просто я знаю настоящую цену и мужчинам, и женщинам. Думаете, женщины лучше? Даже королева в постели может вести себя как обычная дура, думать о своем, быть невнимательной и нетактичной. Умные женщины – это не всегда те, у которых

регалии и звания. А умные мужчины – это не только большие деньги и власть. В нашем содружестве стран, оканчивающемся на большую букву Г, все по-другому. Здесь большинство богатых людей – это циничные сукины дети, успевшие хапнуть свою долю, когда общий дом начал рушиться. В Средней Азии и Закавказье есть еще одна распространенная категория очень богатых людей. Это родственники политиков. Их дети, племянники, братья, дяди, мужья сестер и тому подобная дребедень. Я их называю «родственничками». Вот эти – совсем дураки. Пока их сановитые родственники воруют и обирают собственные народы, прикрываясь националистической фразеологией, они, пользуясь моментом, гуляют на миллионы, собранные родными. Нужно видеть их пустые лица и буйные фантазии. К счастью, в последнее время подобных клиентов все меньше. В основном они либо переходят на наркотики, либо ездят отдыхать в другие страны, куда моим девочкам сложно добраться.

Что касается женщин, то я со своим опытом могу сказать, что умные женщины – это те, которые понимают мужчин. Мужчина может быть умным человеком и совсем не понимать женщин. Гениальные примеры – это Наполеон, Александр Македонский. Не удивляйтесь, что я о них слышал, у меня выющее образование, хотя и не совсем высшее и даже совсем не образование. Я заочно окончил институт искусств. Но в моем нынешнем деле диплома не требуется. Здесь нужны сноровка и интуиция. А опыт нарабатывается.

Мужчина не может самовыражаться в чувствах, для этого он чересчур брутален, нетерпим, больше животное, чем женщина. А вот ей нужен ум для понимания.

Умная женщина рядом с сильным мужчиной – это такая страшная пара, что ее и динамитом не прошибешь. Я все знаю, я уже много лет зарабатываю деньги на человеческих страстях. Уже много лет поставляю «живой товар». Вы думаете, я занимаюсь только девочками? Как бы не так! Сейчас в мире уже другая мода, другие взгляды. Знаете, сколько «голубых» нынче развелось? Если я однажды опубликую список своих клиентов только в Москве, то вызову настоящий правительственный кризис. Им ведь тоже нужны свои «друзья». А сколько всяких других, которые тоже нуждаются в моей помощи! Импотенты, свингеры, садисты, мазохисты, извращенцы, вуайеристы, унисексуалы, бисексуалы, транссексуалы? Все они нуждаются в моей опеке. Вот поэтому я и существую.

Только одним делом я запретил для себя заниматься. Раз и навсегда. Это работать с детьми. Никогда и не за какие деньги не позволю себе посылать детей к разного рода извращенцам. Тебе хочется группового секса? Пожалуйста. Ты хочешь извращений? На здоровье. Ты хочешь, чтобы тебя избивали? Я найду тебе сладострастных садисток и садистов. Тебе нравится самому бить людей? Будь готов принять парочку мазохисток. Кого угодно. Я даже посылаю иногда здоровых мужиков, чтобы доставляли удовольствие разбогате-

шим дамочкам. Но детей – никогда. Это не мой профиль. Помните, как в «Крестном отце»? Он – глава мафиозного клана, но он не разрешает торговать наркотиками рядом со школами. Это невозможно. У каждого негодяя свой кодекс чести. И у меня свой. Я могу найти даже животных для удовлетворения, встречаются и такие клиенты, но детей – никогда.

В последнее время некоторые придурки «западают» на девственниц. И мне пришлось несколько снизить планку моей принципиальности. До шестнадцати лет. Ниже я не опускаюсь. Хотя, честно говоря, это предельный возраст. Некоторые кретины получают удовольствие от возни с девственницами. Но где в наше время можно найти шестнадцатилетнюю девственницу? Приходится искать в деревнях или небольших городках. В столице это уже редкие экземпляры. Нет, конечно, встречаются еще великовозрастные девственницы, но это те, которые приезжают в частные школы на машинах с охранниками. С такими связываться – себе дороже. Их папы тут же тебя вычислят и оторвут все пять конечностей. Это в лучшем случае. В худшем тебя разрежут на мелкие кусочки.

Эти записки – моя исповедь. Я расскажу вам о своей работе, о своем бизнесе, о своих отношениях с людьми. А вы можете меня судить. Каждый человек испытывает некую потребность высказаться. Я слишком долго молчал. Наконец могу все рассказать.

Рассказ первый

Когда с самого утра встретишь паршивого человека или поговоришь с ним, то и дела весь день идут не так, как хотелось бы. Утром раздался звонок. Было десять часов утра. Вообще-то я просыпаюсь довольно поздно. Это «издержки» нашей работы. Обычно клиенты начинают звереть по ночам, после обильного приема алкоголя, когда душа хочет «добавки». Поэтому в ночное время я, как заботливая мама, обеспечиваю этих сучат своими девочками, рассылая их по нужным адресам.

Нет, конечно, я не дешевый сутенер, который работает на дому, сидя у телефона. Моей записной книжке может позавидовать любой министр. Но по ночам мои клиенты становятся такими же людьми, как и другие. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что мои клиенты не любят суесться и обговаривают все детали заранее, за сутки до встречи.

Если вы думаете, что на меня работает несколько тысяч женщин, то ошибаетесь. Это совсем не так. Несколько тысяч истеричных, суетливых, озабоченных своими проблемами, страдающих массой комплексов женщин не выдержал бы даже большой концлагерь. Это невозможно. Но мне и не нужно такого количества. Во-первых, я элитный сутенер, которого знает вся Москва. Спросите Петю Лютикова – и любой состоятельный мужчина мечтательно улыбнется. Моя работа

— это высший класс. А женщин в запасе у меня — миллион. Готовых броситься ко мне по первому сигналу, работать на меня в любое время суток и выслушивать любые пожелания моих клиентов. Если только я гарантирую оплату.

Поэтому с резервом у меня проблем нет. Причем не только в Москве. У меня целая группа работает по поиску «талантов». Причем отбор идет настоящий, как в элитарный вуз. Я эту группу создал еще пять лет назад, когда понял, что брать кого попало нельзя. В моей группе есть психолог, врач, даже гипнотизер, словом, работаем на научной основе. Группа выезжает в какой-нибудь город и обрабатывают его так, что другим там делать нечего. Мы заранее объявляем либо конкурс красоты, либо набор в какую-нибудь зарегистрированную иностранную фирму. Отбоя от желающих нет. Глупые мамы сами приводят своих дочерей. Конечно, очень важны внешние данные девочки, но и плюс масса других факторов, которые не учитывают уличные сутенеры. Во-первых, девочка должна быть без комплексов. В нашем деле это очень важно. Иначе нарвешься на такую, которая после первой встречи с изощренным мужиком в больницу попадает с диагнозом «приступ шизофрении». Во-вторых, девочка не должна иметь назойливых родственников и женихов — нам проблем и без того хватает. У нее не должно быть вредных привычек. Наркотики там всякие или алкоголь. Если баба садится на иглу, то спасти ее практически невозможно. Мужчину еще можно сломать, женщину же нужно только

убивать. Поэтому всякие разговоры про одурманенных наркотой девочек – это для дураков. Такие девочки дежурят в подворотнях, и красная цена им – пятьдесят долларов. Если начала колоться, то дорога вниз ей обеспечена. И наконец, наши девочки должны уметь многое такое, чего не умеют и лучшие проститутки Амстердама или Гамбурга. Ну про это я потом расскажу. А сейчас о звонке.

Позвонил Славик. Он ведь знает, что в десять утра я еще в постели, но звонит, сукин сын, чтобы подчеркнуть свою близость. И ничего ему нельзя сказать. Он мне очень нужен. Иногда таких клиентов поставляет, что целый капитал получаешь. Но вообще-то паскудный тип. И стукач. Я это точно знаю, уже дважды проверял. В общем, он мне позвонил и сказал, что Дипломат хочет со мной встретиться. В гробу я видел этого Дипломата. Нет, это не только его кличка. Он действительно дипломат и даже какой-то очень большой чин. Только у него фантазии дикие, поэтому ему нужен такой специалист, как я. Отказывать в таких случаях нельзя – обратится к конкурентам. Я, мгновенно проснувшись, спрашиваю Славика, что нужно этому типу. Он отвечает, что клиент сам все растолкует. Дипломат жил несколько лет в Европе, видимо, приобщился к чему-то новенькому. Говорит, что сейчас у этого Дипломата целая сеть магазинов в нашей стране. И теперь он «богатенький Буратино». Так мы называем своих особо обеспеченных клиентов.

Сон у меня сразу прошел, и я назначил встречу на одинна-

дцать. Квартира у меня хорошая, целых пять комнат. Но дома я принципиально никогда никого не принимаю. Никого. Ни женщин, ни мужчин. Ни клиентов, ни своих сотрудниц. Я их так называю, и в этом, кажется, нет ничего обидного. За последние годы слишком много известных людей погибло у себя в квартирах. И все потому, что смешивали дело с работой. Это не одно и то же. Как говорят англичане в подобных случаях: «Мой дом – моя крепость». Моя квартира находится в элитном доме, здесь есть охрана и установлены телекамеры. Мои соседи – респектабельные семейные люди. Все убеждены, что я торгую нефтью. Не могу понять, почему воровство государственных природных ресурсов считается более престижной работой, чем сутенерство. Ведь ущерб людям они приносят гораздо больший. Мне всегда жалко нефтяников, которые вкалывают, добывая нефть. Знали бы они, сколько людей сидит на их шее, получая с качаемой на Запад нефти прибыли. Знали бы они, какой «процент с копейки» они получают, если доход всех этих прилипал приравнять к ста рублям. Но это не мое дело, и поэтому я даже не езжу домой на своей машине. Только пешком, только один. Для друзей у меня есть мобильный телефон.

А моя рабочая квартира – на Кутузовском. Вернее, там у меня куплено две квартиры. Одна – четырехкомнатная – для приемов. Там есть спальня, где особо нетерпеливые могут встретиться с моими «сотрудницами». Но они, конечно, не подозревают, что здесь у меня две квартиры. Вход в них из

разных подъездов, но они соединены общей дверью за шкафом и оборудованы видеокамерами. Из соседней квартиры просматривается и записывается все, что происходит в основной. Это моя страховка на всякий случай. И сидит там у меня сын моего двоюродного брата, единственный родственник, который у меня остался и которого я опекаю с самого детства.

В общем, я назначил встречу на одиннадцать. И через сорок минут был у себя на Кутузовском. Клиент появился пять минут двенадцатого. У них, дипломатов, разрешается опаздывать ровно на пять минут. Это знак хорошего тона. Он появился у меня, и я сразу его невзлюбил. С одной стороны, он дипломат, ему должны быть известны правила хорошего тона. Но он не протянул мне руки, а только холодно кивнул, словно мы уже были в состоянии холодной войны. Ему противно со мной здороваться, хотя зачем-то я ему нужен. С другой стороны, он делец, и я видел, как он оглядывал мою «рабочую квартиру». Явно соображал, сколько ему придется заплатить. Но здесь ему со мной не тягаться. Обстановку, мебель, технику подбирал наш психолог именно для подобных случаев. У меня роскошная кожаная мебель за сорок тысяч долларов. А техника вся из компании «Банг оф Олафсон», знаете, наверное, такую. Самая дорогая техника в мире. Там такой дизайн, что клиент сразу готов выложить не одну тысячу долларов. И наконец, картины, мебель. Все подлинное, все без обмана. Клиент должен понимать: здесь

работают солидные люди, а не шантрапа, которая ловит клиентов на улице.

– Мне рекомендовали вас как специалиста по некоторым... проблемам... – Он выразительно смотрит на меня, а я молчу. В подобных случаях говорящему нужно дать закончить фразу. – По проблемам сексуального характера, – поясняет он, выжидательно глядя на меня.

– Может быть, – весело соглашаюсь я, – но сначала мне нужно знать, какие именно проблемы вы хотели бы со мной обсудить. Нет, нет, не обсуждать, – тут же поправляюсь, потому что он смотрит на меня как удав на кролика.

Но напрасно он меня гипнотизирует. Это я ему нужен, а не наоборот. Интересно, чего он хочет? Ему лет под шестьдесят. На вид это крепкий мужчина. Какие-нибудь извращения? Не похоже. Он бы нашел себе женщину и занимался с ней любовью как захочет. При его деньгах это не проблема. Нет, нет, здесь что-то другое. Поэтому он и обратился именно ко мне.

– Я пришел сюда не обсуждать проблему, – поясняет мне посетитель, – я пришел к вам за помощью. За конкретной помощью. И я полагаю, что вы можете мне помочь, а я готов соответственно оплатить все ваши расходы.

– Конечно, – вот это другое дело, сейчас я ему буду баки заколачивать. – Вы можете на меня положиться.

– Не сомневаюсь, – он чуть улыбнулся, и это мне уже не понравилось. Он знает чуть больше, чем следовало. Ну Сла-

вик, сукин сын, я тебе устрою!

– Дело в том, – говорит Дипломат, – что мы с женой долгие годы жили и работали за рубежом. Там привыкаешь к разным мелочам, появляются свои слабости, в общем, иногда позволяешь себе расслабиться. Вы меня понимаете?

«Чего он хочет, – лихорадочно думаю я, – чего такого, что нельзя купить за деньги? Тем более за большие деньги?»

– Может, вы конкретно изложите мне, какие слабости вы себе позволяли? – спрашиваю я этого типа.

– Дело в том, что мы с женой были членами клуба свингеров, – пояснил Дипломат, и я едва не упал со стула.

Всего-то! Я уж подозревал, что он тайный садист или убийца. А они, оказывается, свингеры. Если бы сегодня было первое апреля, я бы решил, что Славик меня разыгрывает. Тоже мне порок. Клубы свингеров сейчас даже в Москве есть. Это когда вы приходите со своей женщиной в клуб, а там меняетесь партнершами. Ну и что здесь такого? Обычный разврат, только разрешенный обеими сторонами. Почти все мужики и без того изменяют своим женам, а те делают вид, что ничего не замечают. Но дураки-мужья и не подозревают, что больше половины их жен тоже имеют «друзей» на стороне.

– Значит, вы были членами клуба свингеров, – говорю я противным голосом.

Здесь все ясно. Больше тысячи долларов из него не вытащить. От силы две. Его должен был принимать мой род-

ственник. Кстати, его фамилия не Лютиков, так как его отец – сын моей тетки. Фамилию мальчика я не назову. Хотя сейчас мог бы сказать, ему все равно уже никто не сможет навредить. Хотя нет, лучше не причинять лишней боли его родным. Парня звали Алексеем. Я еще подумал, что Алексей мог бы встретиться с Дипломатом, чтобы он не отнимал у меня время.

– Да, мы иногда посещали этот клуб, – поясняет мне Дипломат. – Дело в том, что я женат вторым браком. И моя жена на двадцать лет моложе меня. Поэтому мы считали членство в клубе свингеров обычным делом. Вы меня понимаете?

«Конечно, понимаю, – думаю я, – она моложе тебя на двадцать лет. Значит, сейчас ей под сорок. А когда вы поженились, она была еще моложе. Если ты был дипломатом в Советском Союзе, значит, не меньше десяти лет назад. Представляю, как тебе было сложно. Пятидесятилетний замордованный сотрудник дипломатической миссии, который боится парткома, КГБ, доносов, стукачей, проверяющих, провокаций, иностранных разведок и контрразведок, и вдобавок молодая жена, которую нужно каждый день удовлетворять. Тут поневоле придется выбирать. Либо жена будет изменять без твоего ведома, и ты узнаешь о своих ветвистых рогах из сдавленных смешков за спиной, либо ты сам отведешь ее в клуб, где атлет-красавец практически у тебя на глазах начнет доставлять ей удовольствие. Не знаю почему, но психологи считают, что свингерство укрепляет браки. Непонятно,

каким образом, но не мое дело обсуждать такие вещи. Может, потому, что измена – это всегда обман, а здесь обмана нет. Ведь не протестовали веками крепостные крестьяне против «права первой ночи» их барина. Там все было правильно, без обмана. Может, поэтому свингеры такие жизнерадостные люди?»

– Я вас отлично понимаю, – тихо и вежливо отвечаю я своему гостю.

Он потерял для меня всякий интерес. Тоже мне извращенец. Для таких у меня есть специальные пары. Три пары ребят. Парни и девочки.

Парни – рослые, красивые, накачанные, мускулистые. Один блондин, другой брюнет, третий лысеющий шатен. Смотря кто нужен, на какой вкус. Девочки тоже разные. Конечно, пары можно варьировать в зависимости от вкусов клиентов. Словом, полный сервис. Этот Дипломат может взять свою молодую жену и приехать туда, куда я ему укажу. Конечно, там бар закроют и никого больше не пустят. И конечно, он оплатит все расходы. В небольшом баре будут только мои девочки и ребята. Они с женой могут выбрать себе любого из них. Она – для себя, он – для себя. Их проводят в общую спальную, и они смогут получать там удовольствие сколько захотят.

– Нет, – вдруг говорит этот тип, – вы меня не совсем правильно поняли. Мы с женой свингеры, и нам нужна другая пара.

– Я понимаю, – похоже, этот кретин решил проверить на прочность мои нервы, – у меня бывали клиенты-свингеры, и я знаю, что им нужно. Мы разрешим вам пройти в наш клуб, и каждый из вас выберет себе пару по вкусу.

У него сразу стало такое выражение лица, словно он впервые услышал о моей профессии. Не люблю, когда мужчины смотрят на меня так презрительно.

– Вы не поняли, – сказал он, чуть нахмурившись, – нам не нужны ваши пары. Нам не нужны подставные девочки и мальчики, которые будут изображать из себя пары, – этот тип явно знал нашу специфику, – ваши пары нас не интересуют. Дело в том, что мы уже выбрали себе пару.

«Кажется, он ненормальный, – подумал я. – Зачем тогда он пришел ко мне?»

– Мы уже выбрали себе пару, – упрямо повторил Дипломат, – но сами они об этом не знают.

Хорошо, что я сидел, иначе бы уж точно пошатнулся. Чего только в своей жизни мне не пришлось выслушать, но такого... Такого я никогда не слышал.

– Эта пара не из клуба свингеров? – на всякий случай уточнил я.

– Нет. Дело в том, что моя жена бывает в косметическом салоне, и там работает очень симпатичная молодая женщина, которая обычно делает ей укладку. Мы с ней давно обратили внимание на эту женщину, но только недавно узнали, что ее супруг работает в институте физкультуры. Он препода-

дает там гимнастику. Молодой человек раньше был гимнастом. Ему двадцать семь лет. Он сломал в автомобильной катастрофе ногу и поэтому был вынужден перейти на тренерскую работу. Очень красивая пара, я взял с собой их фотографию.

– Ну и что?

– Нам нравится именно эта пара. Моей жене – этот молодой человек, а мне – его жена. И было бы хорошо, если бы они согласились на подобный обмен.

– Извините меня, – осторожно сказал я, – но вам не кажется, что гораздо лучше, если вы сами скажете об этом этим молодым людям? Тем более что ваша супруга имеет возможность достаточно часто видеть эту молодую женщину.

– Вы меня не поняли, – холодно сказал Дипломат, – вам, очевидно, не совсем точно объяснили, каков мой социальный статус. Я не просто бывший дипломат, я лицо, достаточно известное в стране. Мои статьи иногда появляются в центральных газетах, на одном из каналов телевидения я веду аналитическую рубрику. У меня большой круг знакомств, и мы с женой не имеем права рисковать своим положением. Как вы себе представляете ситуацию? Моя жена говорит своему парикмахеру, что она нравится ее мужу? Или я должен отправиться в институт физкультуры и попросить молодого человека переспать с моей женой? Неужели вы не понимаете, каковы наши проблемы? Мы поэтому и обращаемся к вам, так как нам порекомендовали именно вас как настоя-

щего специалиста в этой области.

– Разумеется, я понимаю ваши трудности, – начал я оправдываться.

Черт бы побрал этого кретина! Почему я должен стараться работать за его несчастные доллары?! Вполне может получиться, что бывший гимнаст набьет морду моему человеку только за одно предложение обменяться своей женой с каким-то стариком. Нет, так дело не пойдет. Нужно поскорее выпроводить этого типа. Славик явно промахнулся, послав его ко мне. Алексей, наверное, сидит в своей комнате и, глядя на нас, улыбается. Он лучше других понимает, в какое дурацкое положение я попал.

– Мы постараемся сделать для вас все, как вы просите, – говорю я, уже твердо зная, что никогда больше не увижу этого Дипломата. В гробу я его видел в белых тапочках! Зачем мне нужно подобным образом зарабатывать несчастную тысячу долларов?..

Миллион раз убеждал себя, что спешить не нужно. По знаку гороскопа я Скорпион и, значит, должен обладать изрядным запасом терпения. На этот раз я глупо ошибся. Не учел того факта, что он уже не только дипломат, но и крупный бизнесмен. А такие люди знают цену деньгам. И цену оказанной услуги. Они знают, сколько и за что нужно платить. Дешевый товар не бывает хорошим. Это абсолютная истина.

– Я понимаю ваши проблемы, – спокойно произнес Ди-

пломат, – и поэтому предлагаю десять тысяч долларов в качестве гонорара. Первые пять тысяч, задаток, вы можете получить немедленно. Плюс к этому я готов оплатить все ваши побочные расходы. Но нас интересует именно эта пара, вы меня поняли?

За такие деньги я его отлично понимаю. Десять тысяч долларов – это очень достойный гонорар, и я готов попробовать поработать с этой парой. В конце концов, каждый человек в глубине души ищет приключений и разной экзотики. А гимнаст, успевший повидать мир и оставшийся в институте после аварии, наверняка захочет более острых ощущений. Их услуги можно будет достойно оплатить. Может, у них проблемы с деньгами? Сколько сейчас может получать преподаватель физкультуры?

Только не говорите, что я бессовестный человек. Это я и сам знаю. Главное в подобных вариантах – не задавать себе лишних вопросов. Если две пары действительно хотят встречаться, то почему я не должен им помочь? Как там у классика? «Если один благородный дон будет сечь другого благородного дона...» Кажется, что-то в этом роде. В нашем варианте одна пара очень хочет, а у другой мы еще не узнавали. Значит, нужно сделать так, чтобы и вторая пара захотела того же. Это сложно, но возможно. Очевидно, сумма гонорара повлияла на выражение моего лица. И Дипломат это заметил.

– Мы сделаем все, что сможем, – заверил я его. – Оставьте

мне их адрес и телефон.

– Я оставляю вам номер телефона косметического салона. Женщину зовут Ольгой, а ее мужа – Андрианом. Такое редкое, красивое имя. Вот здесь все написано. Можете переписать, но бумагу верните мне.

– Конечно. – Я достаю ручку и старательно переписываю все данные.

Дипломат явно осторожничает. Он не хочет, чтобы у меня остались записи, сделанные его рукой. Старая кагэбэшная школа. Я вернул ему бумажку и поднялся, чтобы попрощаться. Он достал деньги. Пачку денег. Сто пятидесятидолларовых купюр. Осторожно положив ее на столик, посетитель медленно поднялся.

– До свидания, – кивнул он мне на прощание и вышел из квартиры.

Руки он мне, конечно, не протянул. Очевидно, человек, любящий меняться своей женой с другими партнерами, полагает, что я недостаточно порядочен для рукопожатия. Впрочем, это его личное дело.

Проводив Дипломата, я сразу достал телефон и позвонил Никитину. Это моя «правая рука». Сема Никитин – незаменимый человек. Без него мне бывает очень трудно. Иногда ему приходится куда-то уезжать, и тогда я чувствую себя почти одиноким. Сема сразу понял, что именно нужно, и пообещал приехать через полчаса. Едва я положил трубку, как раздался тот самый звонок? Господи, ну почему я тогда не

послал Славику к черту. Почему я поднял трубку? Ведь я уже выходил из квартиры. Впрочем, все это лишь отговорки. Славик бы меня все равно нашел по мобильнику, и я бы ему не отказал. Ведь казалось, что это наше обычное дело. И все будет как всегда. Если бы я заранее знал, как именно будет! Если бы я мог предположить, что именно произойдет. Но я поднял трубку и сказал Славику:

– Я вас слушаю...

Интерлюдия

Совещание затягивалось, когда секретарь в очередной раз напомнил про делегацию из Великобритании. Она должна была прибыть сегодня на переговоры в Белый дом. Вице-премьер правительства Владислав Николаевич Лепин взглянул на часы. До встречи с делегацией оставалось около пятнадцати минут. Нужно было заканчивать совещание. Он коротко кашлянул. Выступавший министр взглянул на вице-преьера и, уловив его решительный жест, согласно кивнул головой – понял, что пора закругляться. Министр начал говорить энергичнее и через две минуты закончил доклад.

Лепин взглянул на него с благодарностью. Этот человек всегда был сообразительнее других. Он поднялся, чтобы закончить совещание. До встречи оставалось еще достаточно времени, чтобы из зала заседаний вернуться в свой кабинет и даже поговорить с премьер-министром. Он коротко перечислил основные моменты, на которые нужно было обратить внимание, и объявил совещание закрытым, к удивлению некоторых министров, ожидавших очередного разноса.

Выйдя из зала, Лепин быстро прошел в свой кабинет. До встречи с делегацией оставалось десять минут. Он уже собирался позвонить премьеру, чтобы доложить ему о результатах совещания, когда раздались гудки телефона государственной связи. Лепин покосился на аппарат. С президен-

том и премьером у него были телефоны прямой связи. Но по этому аппарату мог звонить только ограниченный круг лиц – вице-премьеры, некоторые министры, руководитель аппарата президента. Лепин взглянул на телефон с ненавистью, словно опасаясь, что он отнимет у него много времени.

Лепину шел сорок пятый год. Он относился к той категории мужчин, которые нравятся женщинам. Высокого роста, с красивыми, всегда аккуратно подстриженными сидящими волосами, он раньше активно занимался горнолыжным спортом и легкой атлетикой, что благоприятно сказалось на его фигуре. У него было слегка вытянутое, продолговатое лицо, широко расставленные глаза, сильный, волевой подбородок. Еще раз взглянув на часы, Лепин поднял трубку:

– Я вас слушаю.

– Здравствуй, Владислав, – раздался ненавистный голос.

Лепин поморщился. Он больше всего не хотел услышать именно этот голос. Позвонивший был известным банкиром. По статусу подобный телефон был ему не положен, но по степени своего влияния он был равен вице-премьеру и даже считался одним из тех, кто способствовал назначению премьера на должность.

– Здравствуйте, – Лепина бесило уже одно то, что банкир обращается к нему на «ты», а он вынужден был говорить ему «вы», хотя последний был старше его всего на несколько лет.

– Говорят, ты не разрешил продажу энергоресурсов через

Украину, – банкир не спрашивал, он утверждал.

Конечно, ему все известно, ведь министр экономики – его человек. Лепин поморщился. Нужно было давно убрать этого прониру из правительства. Но как это сделать без поддержки премьера? Ведь их правительство называют кабинетом банкира Тальковского. И вот теперь Тальковский сам позвонил ему – вице-премьеру.

– Это пока предварительное решение правительства, – осторожно сказал Лепин, – вы знаете, что Украина не платит нам за поставки нефти и газа. Мы пытаемся решить проблему в комплексе...

– Это ты нашему премьеру очки втирать будешь, – перебил его Тальковский, – мне про долги рассказывать не нужно. Хочешь в обход отправлять газ, через Белоруссию и Турцию? А у нас ведь обязательства есть перед австрийцами. Думаешь, мы не знаем, кто тебе это посоветовал?

– При чем тут советы? – сжал зубы Лепин. – Мы исходим из реальной экономической ситуации.

– Реальная ситуация совсем другая. Не нужно ничего менять, Владислав, это в твоих же интересах.

– Я не принимаю решений самостоятельно. Для этого есть президент и премьер.

– Хочешь быть чистеньким? Уже не получится, Владислав. Ты у нас вице-премьер. И знаешь, как трудно проходило твое назначение. Ты своему патрону скажи, чтобы не зарывался. Мы ведь не дети, все понимаем.

Лепин молчал. Он знал, о ком говорит Тальковский. Не для кого не было секретом, что правительство было сформировано на основе договоренности между представителями различных кланов. И основная часть чиновников была рекомендована Тальковским, одержавшим в закулисных интригах самую большую победу. Однако ни для кого не было секретом, что Лепин представлял другую группировку, которую контролировал руководитель объединения «Армада» Валентин Рашковский.

– Решение будет принимать премьер-министр, – упрямо повторил Лепин, – все претензии можете адресовать лично ему.

– Значит, поговорили, – Тальковский положил трубку.

Лепин закрыл глаза. Этот звонок был так некстати. В этот момент в кабинет вошел его помощник.

– Владислав Николаевич, вас ждут англичане, – напомнил он.

– Что? – Лепин поднял голову. – Да-да, конечно. Сейчас иду. Да, скажи, что я сейчас приду. Мне нужно только позвонить премьеру.

Помощник быстро вышел. Лепин взглянул на телефоны и поднял трубку аппарата прямой связи с премьер-министром. Ему пришлось прождать около двадцати секунд. Видимо, премьер был занят, возможно, с кем-то беседовал. «Может, ему позвонил Тальковский», – невесело подумал Лепин. Он уже хотел положить трубку, когда премьер наконец ответил:

– Что случилось, Владислав Николаевич? Вы закончили совещание?

– Да. Наши эксперты полагают, что мы можем подождать с прокачкой наших энергоресурсов на Запад. Необязательно идти на условия, которые предлагает Украина. Мы можем использовать альтернативные пути транспортировки.

– Тогда мы опоздаем с поставками энергоресурсов в Австрию, – сразу сказал премьер.

«Значит, ему звонил Тальковский, – понял Лепин, – их компания получает проценты с газа, прокачанного в Австрию. Можно было догадаться и без этого разговора».

– Может, объяснить австрийцам нашу ситуацию? – сделал новую попытку Лепин. – Вы ведь знаете, что Киев не соглашается на наши условия. И наши эксперты предложили использовать другие варианты экспортировки...

– Но не сейчас, – быстро ответил премьер, – я думаю, что нам нужно вместе искать приемлемое решение.

– Да, – растерянно сказал Лепин, – мы подумаем...

Премьер, положив трубку, сказал Тальковскому по другому телефону:

– Они думают, что им удастся проташить этот план. Не волнуйтесь, мы не допустим, чтобы наши поставки в Австрию были приостановлены.

– А почему Лепин так нагло себя ведет? – поинтересовался Тальковский. – Может, он не хочет больше работать в правительстве?

– Я бы его давно убрал, – признался премьер, – но вы ведь знаете, как у нас все построено. Его нельзя убрать, он человек Рашковского. А с ним мы договаривались, что Лепин будет в правительстве. Рашковский очень помог нам в прошлом году, и сам президент решил ввести Лепина в кабинет министров.

– Тогда нужно сделать так, чтобы Рашковский сам захотел убрать Лепина из Белого дома, – заметил банкир.

– Это легче сказать, чем сделать, – вздохнул премьер, – но я подумаю над вашими словами. А поставки в Австрию мы сорвать не позволим. Можете не сомневаться.

На другом конце провода молчали. Затем Тальковский, словно опомнившись, сухо попрощался и положил трубку. Премьер, вздохнув, вытер лоб носовым платком. Он всегда помнил, что был поставлен на эту должность Тальковским. Один из предыдущих премьеров враждовал с банкиром, и по городу ходили упорные слухи, что Тальковский планировал даже физическое устранение неудобного чиновника, но в конце концов решил просто убрать его с должности. Премьер не мог предположить, что в кабинете банкира, когда он поочередно разговаривал с вице-премьером и премьер-министром, находился еще один человек. И теперь, после того как Тальковский положил трубку, он молча посмотрел на банкира, ожидая его указаний.

– Этот наглец просто зарвался, – сказал хозяин кабинета, – он серьезно считает, что должен контролировать все

финансовые потоки. А премьер ничего не может с ним сделать. Рашковский вряд ли хотел новой войны. Это все придумал сам Лепин. Решил, что ему все позволено. Он ведь уже вице-премьер. Нужно срочно принимать меры.

– Можно договориться с Рашковским, – осторожно предложил собеседник Тальковского.

– Каким образом? – зло поинтересовался банкир. – Приехать к нему и попросить разрешения на вывод Лепина из состава правительства? И как объяснить ему наше желание? Он сразу поймет, что мы хотим получить наши дивиденды, и потребует свою долю. На Лепина ему наплевать, но он не даст нам просто так взять наши деньги. Он потребует своей доли.

– Потребует, – согласился собеседник Тальковского, – но тогда у нас нет других вариантов.

– Никаких? – спросил Тальковский.

– Надеюсь, вы не имеете в виду физическое устранение? – спросил гость Тальковского. – Это решение проблемы, но практически невозможное.

– Конечно, нет, – сразу сказал банкир, – нам нужно устроить показательную «экзекуцию», чтобы все поняли, как нужно себя вести. Физическое устранение вызовет грандиозный скандал. Он не владелец торговой палатки и не обычный бандит. А я в такие игры не играю. Кроме того, если мы попытаемся решать проблемы таким способом, то можем вызвать серьезное неудовольствие других финансовых партнеров. И

при этом мы обязательно заденем еще кого-нибудь, а это нам совсем не нужно. В общем, я думаю, что лучше всего принять другой план. Нужно сделать так, чтобы Лепин сам захотел уйти. Или чтобы этого захотели все остальные.

– Он любит женщин, – неожиданно сказал собеседник Тальковского.

– Что? – не понял банкир.

– Он любит женщин, – повторил собеседник, – на этом можно неплохо сыграть.

– Интересно, – сказал банкир, – очень интересно. Думаем, мы можем использовать этот фактор?

– Он красивый мужчина, – пояснил гость, – и нравится женщинам. Можно найти профессионалок. Можно изучить его пристрастия.

– Ясно, – кивнул банкир, – я все понял. У вас есть нужные люди?

– Это не проблема... – усмехнулся гость.

– Тогда давайте продумаем именно этот вариант. Но нужно все сделать быстро и аккуратно. Чтобы об этом пока никто не знал. Желательно зафиксировать его встречу на кассету. И, конечно, качество изображения должно быть отменным, чтобы у зрителя не было сомнений, кто именно главный герой этой порнозаписи.

– Сейчас есть очень качественная аппаратура, – улыбнулся гость, – это не проблема.

– Тогда договорились, – оживился банкир, – сделаем

именно так. Но чтобы никто об этом не знал. Только я, вы и тот человек, которому вы поручите сделать нам запись. Это очень важно. Рашковский не должен знать, что мы пытаемся убрать одного из его людей.

– Я вас понимаю.

– Тогда договорились. И не забудьте, что мне нужна кассета не позже чем через две недели. Это предельный срок, предельный. Иначе последствия непродуманного решения Лепина могут нанести нам очень серьезный финансовый ущерб.

– Успеем, – кивнул гость, поднимаясь со стула, – сделаем все как договорились.

Рассказ второй

Славик никогда не звонит просто так. Вот и сейчас он шепотом попросил меня о встрече. Когда он просит о встрече, значит, на него вышел очень важный клиент. У меня полгода назад был один такой. Заместитель министра внутренних дел. Упитанный боров, на котором лопался его мундир. Он улетал в отпуск на две недели в Испанию и просил найти ему девочку, которая могла бы его сопровождать. Сложность заключалась в том, что он улетал через два дня, а за это время нужно было не просто найти хорошую девочку, но и успеть оформить ей паспорт и шенгенскую визу.

Конечно, я все сделал за два дня. И, конечно, моя девочка улетела с этим боровом в Испанию. И, конечно, он вел себя как последняя скотина. Две недели он над ней измывался, будил ее днем и ночью, не давал отдохнуть, заставлял пить вместе с ним. А под конец даже уступил какому-то другу, который приехал к нему на отдых. В общем, вел себя далеко не как джентльмен. Хотя какой, к черту, может быть джентльмен из генерала милиции. Он ведь, прежде чем стать генералом, столько всякого дерьма видел, что мне и не снилось. Может, он лично преступников допрашивал, может, лично в них стрелял. Не мое это дело. Но он не заплатил мне за услуги по полному тарифу. Он должен был оплатить не только расходы из расчета пятьсот долларов в день, но и переезд

девочки с ним в Испанию. Не говоря уже о том, что порядочные люди делают подарки своим девочкам. В общем, я был в убытке, куда ни посмотри. Он с трудом согласился дать пять тысяч. И хотя Славик меня сильно подвел, я не считал себя внакладе. Не каждый день удастся заиметь среди своих клиентов заместителя министра внутренних дел. Конечно, по пустякам он мне помогать не будет, да я и не стану к нему обращаться. Но в случае крайней необходимости, когда будет стоять вопрос о моей персоне, вот тогда я сразу вспомню о его поездке в Испанию. И он тоже обязательно вспомнит. У меня остались такие убедительные фотографии!

Я еще забыл сказать, что обычно отправляю вместе с девицей и нашего фотографа. Для гарантии. И для последующей отчетности. Некоторые клиенты выкаблучивают. Решают, что могут не платить, могут хамить сутенеру. Но ведь не все они генералы милиции. В таком случае фотографии действуют, как хорошо испытанное слабительное. У них сразу исчезает запор, они готовы платить любые деньги. Ненавижу шантаж, но, когда дело идет о собственных гонорарах, нужно отбросить излишнюю щепетильность.

Пока Славика не было, я попросил Алексея сбегать в магазин купить еды. Славик все равно знает о второй квартире, в которой находится мой племянник. Он вообще многое знает, и это меня иногда беспокоит. Кроме того, он обычно разговаривает со мной шепотом, чтобы я не сумел ничего записать. И похоже, он носит с собой какую-то аппаратуру,

потому что записи у меня все равно не получаются. Вместо них на пленках слышится характерное шипение. Наверное, у Славика есть какой-то новый шпионский прибор, стирающий записи на наших лентах. Но он в этом, конечно, никогда не сознается.

Славик приехал через сорок минут. Я не сомневался, что у него есть прибор, стирающий записи, но на всякий случай включил магнитофон. Однако Славик – человек необычайно изворотливый. Он предложил мне выйти на балкон, решив, видимо, что там я не смогу установить подслушивающее устройство. Мы вышли на балкон, и он, глядя вниз, во двор, сразу сказал мне:

– Есть конкретный заказ. Нужны три девочки.

– Ты мог бы сказать мне это и по телефону, – я сделал недовольное лицо. Нужно иногда давать ему понять, что им недовольны.

Но Славик не смутился. Он вообще не такой человек, чтобы смущаться.

– Ты не понял. Мне нужны три девочки для очень важного клиента. Такого клиента у тебя еще не было. Никогда в жизни.

– Неужели это президент? – сострил я.

– Нет, – хохотнул Славик, – не для него. Но человек очень известный. Мне нужны три девочки и хороший оператор. Можно, чтобы это был твой племянник Алексей. Кстати, он не записывает нас сейчас?

– На балконе у меня нет аппаратуры, – усмехнулся я, – а записать тебя все равно не получится. Твои друзья из ФСБ снабдили тебя какой-то машинкой, которая мешает записям. И не делай удивленное лицо, я все знаю. Алексея сейчас нет, он скоро вернется. В общем, тебе нужны девочки и отчет об этой встрече. Сам клиент попросил или его друзья?

– Друзья, – вздохнул Славик, – им зачем-то нужна такая кассета.

Если человек идиот, ему никто не сможет помочь. Если человек идет в чужую квартиру, готовый встречаться с неизвестными дамочками, да еще по предложению своих «друзей», которым нельзя доверять, то он идиот вдвойне. В таком случае он должен быть готов к тому, что видеозапись его развлечений появится сначала у его друзей, потом у журналистов и, наконец, попадет к его жене. Нужно быть чуточку осмотрительнее. И встречи безопаснее проводить на своей территории.

– Сделаем, – киваю я Славику. – Квартиру мне тоже найти или у вас есть своя?

– У нас есть своя, – улыбается Славик, – я думаю, что лучше прислать Валю с девочками.

– Валентину? – Я не скрываю удивления. – Ты ведь знаешь, что она никогда не ходит с группой. Это штучный товар, Славик, не тот случай.

– Как раз тот, – заупрямился Славик, – Валентина очень даже подойдет. И двух девочек такого же класса. Тебе запла-

тят двадцать пять тысяч долларов за кассету с девочками, которые смогут раскрутить этого клиента.

Двадцать пять тысяч долларов – очень большие деньги. Если кто-то готов их платить, значит, дело нешуточное. Я сразу насторожился:

– Кто этот клиент?

– Тебе об этом знать необязательно, – уклонился от ответа Славик.

Но так мне отвечать нельзя.

– До свидания, – сухо говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти в комнату, – ищи себе других девочек и другого оператора.

– Подожди, – он хватает меня за руку. Ненавижу, когда ко мне прикасаются. Я бросаю на него полный бешенства взгляд. Он сразу отпускает мою руку.

– Извини, – примирительно мямлит Славик, – нужно было сразу тебе сказать. Просто меня предупредили, что случай исключительный.

Я молчу. Теперь он должен назвать имя. Славик наклоняется ко мне, зачем-то оглядывается по сторонам, словно нас могут подслушать на балконе высотного дома, и тихо, очень тихо произносит имя и должность клиента. Нужно сказать, что я сутенер со стажем. У меня имена и должности давно не вызывают никакого восторга. Тем более никакого чинопочитания. Но эта должность и имя производят на меня впечатление. Очень сильное впечатление. Я даже не считаю нуж-

ным скрывать своего изумления:

– Девочки для него?

– Да, – кивает Славик с видом победителя, – поэтому я и прошу прислать Валентину.

Валя у меня одна из лучших девочек. Она была победителем какого-то конкурса красоты. Причем настоящего конкурса, который проводился без моих ребят, а значит, без дураков. Она высокого роста, отлично сложена, оканчивает университет. Никто не догадывается, что она путана высшей категории. В университет она ездит на «Мерседесе» с личным водителем. У нее лицо интеллектуалки, которое так нравится этим богатым мужикам. Сочетание интеллекта и извращенности делает Валю просто находкой. На нее особенно «западают» политики. Один даже предлагал ей выйти за него замуж. Она берет по пять тысяч долларов за сольный выход, но работает как полагается, без всяких скидок на образование. Конечно, такая девочка подойдет нашему клиенту, но мне еще нужно уговорить Валю согласиться на групповуху. Обычно она категорически отказывается.

– Постараюсь ее уговорить, – обещаю я Славику, – но думаю, она захочет увеличить свой гонорар. Будь готов заплатить мне больше.

– На сколько? – спрашивает Славик, облизывая губы.

– Десятку прибавишь, – я внимательно смотрю на него, и он мгновенно, даже не подумав, соглашается.

– Конечно, прибавлю. Только ты обязательно вызови Ва-

лентину.

Я всегда подозревал, что Славик – настоящая сволочь. Раз он так быстро согласился на мое предложение, значит, ему платят гораздо больше. Значит, его кассета тянет на все сто. Вот сукин сын! Я с этими девочками жизнь свою угробил, решаю все их проблемы, обеспечиваю всем необходимым, а он на халяву деньги получает. Впрочем, я не прав. Он ведь находит мне таких клиентов. Очевидно, на него вышли сотрудники ФСБ или кто-то в этом роде. Не знаю, зачем им нужна кассета, но догадываюсь, что эта запись будет дорого стоить.

– Ладно, – киваю я ему на прощание, – пусть будет тридцать пять. Я сам поговорю с Валентиной и найду двух других хороших девочек. Клиент будет один или с другом?

Я еще надеюсь, что клиент будет с другом, и тогда Валентина согласится. Она займется нашим клиентом, а две другие девочки будут ублажать его приятеля.

– Один, – ломает все мои планы Славик, – он будет один, и его нужно не просто высококлассно обслужить, но и разговаривать, чтобы их разговор был записан на кассету.

– Не люблю я такие дела, – признаюсь я Славику, – очень не люблю. Вечно ты хочешь втянуть нас в какую-нибудь неприятную историю.

– Никаких неприятностей, – уверяет меня Славик, – клиент будет уже готов. Его сначала обработают где-нибудь в ресторане, а потом привезут на квартиру. Нужно, чтобы Ва-

лентина была с ним в ресторане.

– У меня такое ощущение, что ты все время пытаешься создать мне проблемы. Ты ведь знаешь, что она не любит появляться в ресторанах. Она не ходит по ресторанам.

– У них будет отдельный кабинет. Они не будут сидеть в общем зале, – поясняет Славик.

Я чуть не откусил себе губу. Конечно, это мой прокол. Человек такого уровня, о котором говорит Славик, не ездит в обычные рестораны. Ладно, будем считать, что он прав, хотя с Вале́й у меня все равно будут проблемы. Интересно, кого им дать для компании? Кажется, Валентина часто бывает с Луизой и Галой. Или нет? Луиза подойдет в любом случае, у них с Вале́й дружеские отношения. Валентина вообще сложный человек, она слишком горда, чтобы поддерживать отношения с нашими девочками. Она и с водителем не очень разговаривает. Трудно будет убедить эту дуру. И еще нужно решать вопросы этого кретина – Дипломата.

– Я все устрою, – обещаю я Славику. – Кстати, насчет этого Дипломата. Он у тебя нормальный? Пришел ко мне с таким идиотским предложением.

– Не знаю, что ему нужно, – ржет Славик, – и не хочу знать. Но он очень даже нормальный. И очень богатый. Я бы на твоём месте взял с него деньги и устроил все, что он хочет.

– Посмотрим.

Мы возвращаемся в комнату и договариваемся со Слави́ком, что он позвонит мне завтра утром и скажет, на ка-

кое конкретно число ему нужны Валя и две другие девочки. Тридцать пять тысяч долларов – это фантастический гоно-
рар! Да за такие деньги я готов поработать даже официантом
у этих типов. У меня нет гордости, когда речь идет о таких
деньгах.

Славик давно уехал, а я все еще сижу и размышляю о сво-
ем вечернем разговоре с Валентиной. И в это время почти
одновременно появляются Сема Никитин и Алексей. Пер-
вого я усаживаю за стол, а второго отправляю на кухню. Се-
мен человек надежный, он сразу понимает задачу. Нужно
всего-навсего убедить мужчину согласиться на обмен. Обыч-
но в подобных случаях женщины охотнее идут на контакты.
Мужчины же в большинстве своем консерваторы-собствен-
ники. Некоторые звереют при одной мысли, что рядом с его
женой может появиться другой мужчина. Хотя, что в этом
необычного, я не понимаю. Если она не захочет, то посто-
ронний не появится. А если захочет, то изменит самому луч-
шему мужу, и ничего здесь не поделаешь. Нет, я не циник.
Просто я реалист. И не считайте меня таким циничным су-
киным сыном.

Семену долго объяснять не нужно, он сразу все понял.
Сначала он все разузнает, а потом мы подключим нашего
психолога – Арнольда Хендриковича. Он эстонец, но уже
много лет живет в Москве, поселился здесь еще до того, как
его маленькая родина стала самостоятельной, а он превра-
тился в иностранца в собственной республике. Несмотря на

то, что Арнольд Хендрикович живет в Москве уже более тридцати лет, он говорит по-русски с легким прибалтийским акцентом. Я вышел на него восемь лет назад, когда искал именно такого специалиста. Он изучал истерические состояния у женщин и в качестве примеров брал проституток. Ну и, понятно, мы не могли с ним не пересечься. Нас познакомил один общий приятель, который уже умер, царство ему небесное.

Арнольд Югансон был именно тем человеком, который оказался мне нужен. Он не просто блестящий психолог. Когда нужно, он и прекрасный актер, легко выдающий себя за иностранца. Ведь он говорит с акцентом. А прибалтийскую внешность невозможно подделать. Не зря в советских фильмах иностранцев всегда играли прибалты. В них всегда было что-то несоветское. Наверное, те двадцать лет, которые они провели вне нашего общего барака, оказались для них настолько продуктивными, что в общей массе нашего народа они стали почти иностранцами. Югансон шикарно одевался еще в начале девяностых, когда в Москве были дикие очереди даже за хлебом и крупами и в магазинах было невозможно купить импортные шмотки.

Именно тогда мы сразу почувствовали, что нужны другу другу. Югансон выезжал с нашей группой в какой-нибудь город для «охоты» на девочек. Его легкий иностранный акцент и шикарный вид действовали не только на наших будущих «пациенток» и их экзальтированных мамаш, но даже на очу-

мевших чиновников, которые видели иностранцев только в кино. Арнольд получал тогда в своем институте четыре доллара в месяц. Нет, вы не ослышались, в пересчете именно четыре доллара. У меня же он стал получать наличными ежемесячно больше тысячи зеленых и, конечно, забросил свою работу в институте, включая докторскую, чтобы работать с нами.

Меня немного смущало, что он живет один, пока я не понял, что у него были определенные наклонности, из-за которых он и уехал из маленького Таллина, надеясь затеряться в большой Москве. Я лично не считаю это пороком, но наша консервативная мораль в этом плане однозначно осуждает подобные пристрастия. Дело в том, что Югансон любил мужчин. Молодых мужчин. Я ничего не имел против и иногда в качестве поощрения даже посылал ему некоторых мальчиков на предмет знакомства. Мы никогда с ним об этом не говорили, но он, кажется, был мне благодарен и за мое внимание, и за то, что я не задаю лишних вопросов. А специалистом он был уникальным. Глядя на женщину, он сразу определял, как она будет себя вести в той или иной ситуации и можно ли вообще иметь с ней дело.

Я думаю, что именно из-за нелюбви к женщинам он их так хорошо понимал. То есть обычным мужикам трудно объективно оценивать женщину, тем более красивую, понять ее настроение, ее желания. На них слишком давят мужские гормоны, я бы даже выразился по-другому, но боюсь, что ме-

ня могут неправильно понять. У мужчин всегда необъективный взгляд на женщину. Я где-то читал, что лучше всех понимали настроение и капризы женщин в гаремах турецких султанов евнухи. Конечно, они понимали, ведь у них отняли главный «фактор», который мешал им быть объективными. Только не улыбайтесь. Вспомните, что самые известные модельеры – от Версаче до Ива Сен-Лорана – тоже не гетеросексуалы. И это помогает им угадывать настроения женщин, их желания. Они чувствуют женщин даже гораздо лучше, чем евнухи турецких султанов. Говорят, что хорошие сутенеры тоже должны быть немного евнухами, должны уметь объективно оценивать женщин, чувствовать их желания. Не знаю, может, это и так. Я ведь не считаю себя классным специалистом. Но я не гомосексуалист, и не евнух, и даже не импотент.

Просто у меня, очевидно, несколько ослабленное либидо. Мне совсем необязательно каждую ночь спать с женщиной. Мне доставляют удовольствие совсем другие вещи – книги, путешествия, хорошее вино. Может быть, именно поэтому я еще не женат и не собираюсь этого делать в ближайшие сто лет. Говорят, что нельзя умирать в одиночестве, нужно, чтобы рядом был человек, готовый подать вам стакан воды. Так вот что я вам скажу на это утверждение. Если у вас есть деньги, рядом с вами будет стоять очередь желающих протянуть вам стакан воды. А если у вас нет денег... боюсь, что вы умрете от жажды, пока доползете до своего стакана, даже

имея кучу родственников.

Итак, я объяснил задачу Семену Никитину, и он поехал узнавать все про эту парочку – гимнаста и его жену. А я остался у себя на Кутузовском, чтобы проинструктировать Алексея, который должен был снимать встречу нового клиента. Если бы я знал, чем все это кончится! Если бы я только знал, что своими руками отправляю племянника на верную гибель. Если бы я мог заглянуть в будущее! Впрочем, даже если бы и мог, ничего уже нельзя было остановить. Кто-то запустил этот механизм, и он раскручивался, подминая под себя человеческие жизни. С того момента, как Славик появился у меня на Кутузовском, мы все были обречены. Все до единого. И я, и Славик, и Алексей, и Валя. Но я еще этого не знал.

Рассказ третий

Не знаю, какой я психолог, но со своими девочками легко нахожу общий язык. К каждой у меня есть свой подход, свой отдельный разговор. С одними нужно помягче, с другими – пожестче. Есть настоящие дуры, есть женщины, которым нравится считать себя интеллектуалками, есть женщины-стервы. В общем, к каждой нужен особый подход, и я его умею находить. Самое интересное, что я не сплю с большинством своих девочек. Я не очень большой охотник до этого. Хотя об этом я уже говорил. Некоторые девочки портятся, когда с ними начинаешь близко общаться, они считают, что если сутенер спит с ней, то у него с ней более близкие отношения, чем с другими. Но это, конечно, глупости.

На самом деле хороший сутенер должен переспать со всеми девочками, с которыми работает. Чтобы знать их сильные и слабые стороны, чтобы уметь контролировать их эмоции, чтобы подавлять их возможные вольности в случае отклонений от нормы. С некоторыми девочками бывают проблемы, и я обязан их предвидеть. У меня нет публичного дома, который я обязан содержать. В наших условиях это не нужно. И очень накладно. Нужно будет платить за «крышу», раздавать девочек бесплатно сволочным ментам, которые обязательно полезут в такой дом в качестве второй «крыши». Нужно будет терпеть самодурство клиентов, воровство обслуживаю-

щего персонала, беспутство проституток. Я много раз замечал, что внешне спокойная женщина, даже проститутка, абсолютно теряет контроль над собой, попадая в общество себе подобных. Женщина быстрее развращается.

На основе многолетних наблюдений я заметил одну очень интересную вещь. Мужчина может купаться в грязи, опуститься на самое дно общества, оказаться в тюрьме, в дерьме, в колонии, но, выйдя оттуда, он может смыть с себя всю грязь и снова стать тем, кем был. Возможно, с потрясенной душой, но обрести некоторое равновесие. Женщине этого не дано. То есть абсолютно не дано. Если вы сломали женщину, если макнули ее лицом в грязь, если заставили пройти через испытания, то она этого никогда не забудет. Проститутка может притвориться графиней, но стать графиней она никогда не сможет. Рано или поздно прошлое даст о себе знать. У женщины происходит некий сдвиг в сознании. Может, потому, что мужчины больше скоты, чем нам кажется? И они реагируют на все иначе, чем женщины? Не знаю. Но думаю, что моя теория верна. Эти рассказы французских писателей о бывших проститутках, ставших графинями, – все вранье. Просто в том обществе графини были такими же проститутками. Им не нужно было притворяться.

С Вале́й я был знаком несколько лет. Никитин увидел ее на одном из конкурсов красоты и рассказал мне о ней. Что потом было, я никогда и никому не рассказывал. Но теперь можно. У Валентины был жених. Модельное агентство пред-

ложило ей неплохую работу. Но откуда девочке знать, что модельное агентство на самом деле было вербовочной конторой европейских сутенеров, которые собирались отправить девочку в Брюссель, а оттуда куда-нибудь дальше. Нет, конечно, это не публичный дом. Они действительно дадут ей работу, и она будет ходить по подиуму, рекламируя нижнее белье. А в перерывах в конторах будут сидеть наглые господа, которые имеют права совершенно бесплатно щупать девочек и пользоваться ими, как они хотят. По-моему, гораздо честнее, когда господа платят.

И никто не скажет глупым девочкам, что нельзя полагаться на свои длинные ноги и смазливые мордашки. Этого добра в мире хватает. Я в таких случаях привожу статистику. В мире живет несколько миллиардов человек. Половина из них женщины. Будем считать, что на каждую тысячу женщин приходится одна красавица. Одна на тысячу, хотя такого соотношения просто не бывает. Но и тогда получается, что в мире должны быть несколько миллионов топ-моделей. Несколько миллионов известных красавиц. А на самом деле сколько их в мире? Пять или десять человек. Я говорю о самых известных, которых знает весь мир. Получается, что соотношение даже не одна на миллион, а одна на сто миллионов. Или на двести. Тогда выходит, что у вас шанс стать моделью один на двести миллионов. Легко понять, что вы скорее попадете на Луну, чем станете известной топ-моделью.

Я не хочу сказать, что это абсолютно невозможно. Шанс,

конечно, всегда есть. Но для этого нужно иметь не только смазливую внешность. Нужно пройти через постели всех руководителей модельных агентств, через немыслимые унижения. Нужно научиться ходить, говорить, одеваться, соответствующе вести себя, нужно, наконец, чтобы вам просто повезло. И все это в течение тех нескольких лет, которые вам отпущены.

Из всего вышесказанного не вытекает, что если вы не стали моделью, вы обязательно должны стать проституткой. Если у вас обеспеченные родители, если вы можете позволить себе учиться, если вы хотите по-другому устроить вашу жизнь – это ваше право. Но если вы считаете, что можно стать топ-моделью, минуя постели многих мужчин, то это типичное заблуждение.

А с Вале́й все получилось так, как и бывает в подобных случаях. «Модельное агентство» уступило мне ее за сорок тысяч долларов. Потом выяснилось, что у нее нет работы, поэтому она сидела дома одна. Потом Арнольд Хендрикович долго с ней беседовал. Потом она впервые согласилась поехать на презентацию какой-то чайной фирмы. Ну а потом все пошло так, как должно было идти. Сначала она ездит на презентации, потом в рестораны. Рано или поздно случается то, что должно случиться. Есть упрямые дурехи, которые долго сопротивляются. В таком случае мы их подталкиваем. Некоторое количество наркотика в стакан – и все в порядке. Утром бывает поздно сожалеть о своей уступчивости. Впро-

чем, во второй раз наркотики тоже можно использовать.

Мне стыдно признаться, но с Валентиной было очень трудно. Ей все казалось, что она сумеет пробиться, станет актрисой или топ-моделью. Ей казалось, что ее случайные появления на разных презентациях и фуршетах – всего лишь дань времени. Но сколько таких девочек прошло мимо меня! И все на что-то надеялись...

Я помню ее глаза, когда она впервые оказалась в постели одного «нефтяного короля». Почему-то считается, что только в арабских странах есть нефтяные шейхи и короли. А наши воры разве делают деньги на чем-то другом? Если посчитать, сколько «королей» и «шейхов» появилось в наших странах... Хотя это не мое дело. Я дал ей тогда денег. Гораздо больше, чем она заслуживала. Гораздо больше того гонорара, который ей полагался. Денег она не брала. Только смотрела на меня такими глазами... Я положил банкноты на столик и ушел. Деньги она мне не вернула.

Во второй раз деньги ей повез Сема Никитин. И она снова взяла. Хотя во второй раз мы опять использовали наркотики. В третий раз она согласилась сама. Я специально не давал ей работу целых два месяца. Сидеть без денег в однокомнатной квартире, которую она снимала, было нелегко. Она даже продала свое колечко. Конечно, мои ребята за ней следили, и мы купили это колечко, предложив сумму гораздо меньшую, чем ей хотелось. В общем, через два месяца она сама мне позвонила.

Потом был следующий этап. Она должна была стать послушной. Пришлось в третий раз прибегнуть к наркотикам. Только не считайте меня негодяем, это было необходимо в ее же интересах. Она должна была понять правила игры. В общем, Никитин привез ее ко мне. И я с ней переспал, хотя не испытывал особого желания. Но должен сказать, что с профессиональной точки зрения она была совсем неплоха.

Утром она проснулась и долго лежала, глядя в потолок. Я даже испугался, что она чокнется. Но она долго лежала и смотрела, а потом повернулась и спросила:

– Вы использовали наркотики?

Она все поняла. Хотя мне было обидно. Получалось, что со мной нельзя встречаться ни просто так, ни за деньги. И согласие женщины я могу получить, только накачав ее наркотиками. А ведь она жила в Москве одна, приехав сюда из Харькова. У нее не было даже российского паспорта. И она никому, кроме меня, не была нужна. Вот тогда я сел напротив нее и все ей объяснил. Я умею быть жестоким, когда это нужно.

Она слушала меня внимательно, ни разу не перебила. Я объяснил ей, что могу выправить ей паспорт, что она переедет в трехкомнатную квартиру. Рассказал о том, что мы устроим ее в институт, дадим высшее образование. Выделим машину с водителем, которому будем платить зарплату. Рассказал о ее будущих возможных гонорарах. Арнольд Хендрикович оказался прав – она была очень выдержанным

и мужественным человеком. Она сразу поняла и приняла все правила игры. И больше у нас с ней никогда не было проблем. Но и со мной она больше никогда не ложилась в постель. А я и не настаивал. Мне было важно сломать ее, заставить принять наши правила игры. А пользоваться на работе своим «служебным положением» всегда нехорошо.

Валентина оказалась разумным человеком. Настолько разумным, что я иногда даже пугался. Как будто она всю жизнь готовилась именно к этой работе. Она доводила клиента до исступления. Некоторые предлагали гораздо большие деньги. Она пользовалась огромной популярностью. И, разумеется, росли ставки. Сейчас ей платили за ночь до двух тысяч долларов, и я был уверен, что это не предел. Конечно, больше половины денег были моими. Ведь я платил за ее обучение, купил ей квартиру, обеспечивал ее водителем и охраной, я уже не говорю про клиентов. Но и она получала совсем неплохие деньги. Из двух тысяч долларов ей доставалось чистыми около семисот, то есть тридцать пять процентов. Это было совсем неплохо.

У Валентины были светлые волосы, причем настоящие, не крашенные. Она была высокого роста, хорошо сложена, с длинными красивыми ногами. Однажды к нам приехал какой-то испанец, которого нужно было принять по высшей категории. И к нему отправили Валентину. Разумеется, встречавшие его друзья оплатили все услуги девочки. Так этот испанец вернул обратный билет. Он остался в Москве еще на

несколько дней. И, уезжая, дал Валентине пять тысяч долларов. Конечно, я забрал половину, но половину оставил ей. Нужно отдать должное Вале, она никогда не обманывала с деньгами, как некоторые, всегда называла точные суммы. Это я проверял.

Я приехал к ней сразу после разговора со Славиком, уже зная, что она вернулась домой. С ее водителем я говорил по мобильному телефону и был в курсе всех ее передвижений. Нужно было видеть, как она выходила из «Мерседеса», когда направлялась куда-нибудь в ресторан или в офис. Она казалась неприступной леди, настоящей богатой леди, к которой не подступишься. У нее всегда было надменное выражение лица. Я видел некоторые пленки, на которых она работала с разными мужчинами. Это надменное выражение лица не исчезало, даже когда она оказывалась на «разных этажах». Подозреваю, что некоторым это могло нравиться, хотя меня бы раздражало. Впрочем, у каждого свой вкус.

Свою квартиру Валя обставила совсем неплохо. На ее деньги это было несложно. Она встретила меня со своим обычным выражением лица. Она обращалась ко мне только по имени и отчеству и вообще вела себя так, словно мы были всего лишь коллегами по работе. Впрочем, меня это устраивало.

– Здравствуйте, Петр Аристархович, – кивнула мне Валя, когда я вошел. – Хотите кофе?

– Хочу, – я прошел на кухню и уселся за столик. На кухне

у нее было особенно уютно.

Валя была в джинсах и короткой синей майке. Пока она готовила кофе, я терпеливо ждал, не начиная разговор. Наконец она налила кофе и села напротив.

– Когда? – спросила она, произнеся одно слово.

– Иногда ты меня удивляешь, – сказал я Валентине, – могла бы расспросить о жизни, рассказать о себе. Хотя бы ради приличия задать несколько вопросов.

– Зачем? – Она смотрела на меня своим спокойным взглядом, словно мы говорили о вчерашней погоде. – О моей жизни вы все знаете. Подозреваю, что даже лучше меня самой. Вам наверняка докладывают о моих передвижениях и водитель, и ваши телохранители, которые отвозят меня в клубы. А про вас мне спрашивать нечего. Семьи у вас нет, о себе вы никогда не рассказываете. И приезжаете только в исключительных случаях, когда у нас важные клиенты. Как вы их называете? Кажется «богатенькие Буратино»?

– Может быть, – разговаривая с ней, испытываешь ощущение, будто мы поменялись местами, и она мой сутенер. – Но сегодня у нас действительно очень важное дело. И я приехал к тебе за помощью.

– Опять какой-нибудь извращенец? – поморщилась Валентина.

Можно подумать, что я нахожу ей только подонков. А все «извращение» некоторых клиентов состоит в том, что они хотят знакомиться с Валею в ресторане, а не лезть к ней сразу

в постель. Она считает, что это ханжество. Нужно быстро заняться делом и уйти.

– Нет, абсолютно нормальный человек. Кстати, он готов заплатить большие деньги. Очень большие.

– СКОЛЬКО?

– Это зависит от тебя.

– Можно подумать, что у меня есть выбор, – пробормотала Валя. – Когда нужно ехать? Сегодня я не смогу. У меня еще не закончились месячные.

Такие вещи я тоже должен знать. Это входит в мою работу. На лучших девочек у меня есть таблицы с указаниями их критических дней.

– Я это помню.

– Иногда мне кажется, что вы знаете обо мне все, даже о моих снах.

– Я стараюсь угадывать ваши желания, поэтому должен предполагать, что вы можете увидеть во сне.

– Вы сказали, что предстоит важная работа. Это иностранец?

– Нет, наш. Но такого клиента у тебя еще не было.

– Какой-нибудь актер или режиссер?

– Хуже, политик.

– Кто именно?

– Очень известный политик. И занимает один из самых больших постов в нашей стране. Поэтому я и приехал.

– Что ему нужно?

– Ты не знаешь, что обычно нужно мужчинам? – с иронией поинтересовался я.

– Знаю, – невозмутимо ответила она. – Но зачем вы приехали? Вы ведь могли передать ваши указания через водителя, как делаете обычно. Чего он хочет конкретно?

– Его интересуют женщины, – осторожно начал я, – но не одна... Он любит, когда их несколько...

Именно в этот момент она собиралась налить себе кофе. Но когда я произнес эти слова, она, нахмурившись, резко сказала:

– Нет.

– Что значит – «нет»? – спокойно спросил я. – Какая разница, сколько будет женщин? Ты не очень хорошо поняла, что именно я сказал. Он будет один, а вас – три. Не обращай внимания на остальных. Я же не предлагаю тебе спать с тремя мужчинами одновременно. Хотя и в этом не было бы ничего необычного. Или тебя смущают голые женщины?

– Нет, – решительно ответила она, – я не пойду на такое дело. Мы с вами раньше договаривались. Я, конечно, проститутка, но проститутка элитная, вы сами мне об этом не раз говорили. Зачем вы делаете из меня дешевку с Тверской? Вам обязательно нужно меня унижить?

– Ну зачем ты говоришь мне такие гадости? – Я отодвинул чашку с недопитым кофе. – Неужели ты думаешь, что я не забочусь о твоей репутации? Я даже девочек решил подобрать тех, кто всегда с тобой работает. Луизу и Галу. Они

пойдут с тобой. Ты ведь их не стесняешься, вместе в сауну ходите, вместе ездили отдыхать.

– Это вы тоже знаете, – вздохнула Валя.

– Я знаю все, что касается моих девочек. В последние несколько месяцев вы часто ездили вместе с Луизой. Только работали в разных комнатах или в разных номерах отелей. Я не думаю, что ты будешь так уж стесняться их. Кроме того, клиент заплатит лично тебе пять тысяч долларов.

– И сколько из них вы возьмете себе?

– Ни доллара, – иногда, когда нужно, я умею быть щедрым. В конце концов, остальным девочкам я дам по тысяче долларов и из них вычту половину. А мне обещали тридцать пять.

– Пять тысяч долларов? – деловито переспрашивает Валя. Она понимает, что это большая сумма. Очень большая.

– Пять тысяч, – подтверждаю я, – и всего за одну ночь работы.

– Кто этот клиент?

Конечно, я не имею права этого говорить. Но я уверен, что она никогда никому об этом не расскажет. Никогда и никому. В этом я абсолютно уверен. И я называю ей имя. Она вздрагивает. Она даже пугается. Потом спрашивает меня:

– Мы будем с ним. Все три?

– Конечно. Будешь вместе с Луизой и Галиной. И больше никого.

– Галина не сможет, – вдруг неожиданно говорит мне Ва-

лентина, – она беременна.

– Что? – только этого мне и не хватало. Такие известия всегда выбивают меня из колеи. – Как это беременна? Кто отец ребенка?

– Полтора месяца назад они с Луизой ездили в Чехию, в Карловы Вары, с вашими клиентами, – напоминает мне Валентина. – Один из них никогда не предохранялся. Она его просила, объясняла, что ей нельзя, что у нее опасные дни, но он только смеялся. А потом, когда они вернулись, выяснилось, что она ждет ребенка.

– Черт возьми! Почему она мне об этом ничего не сказала?

– Не была уверена. Ждала, когда будут месячные. Но два дня назад врач подтвердил. Она сама хотела сегодня вам позвонить и рассказать обо всем.

– Рассказать обо всем.

Я подумал, что оторву Семену голову. Он обязан извещать меня о подобных случаях. Он обязан следить за нашими девочками. Впрочем, сейчас не стоит нервничать. Нужно успокоиться и подумать, что делать. Значит, Галина в любом случае не сможет пойти с ними. Жаль. Она неплохо работала на пару с Луизой.

– Когда она пойдет на аборт? – спросил я Валентину, доставая мобильный телефон.

– Уже пошла, – ответила она, – не нужно звонить. Она сегодня пошла на аборт.

– Я с нее вычту деньги за простой, – говорю я, убирая телефон.

И еще я возьму деньги с этого любителя опасного секса, вспоминаю я своего клиента, укativшего в Чехию. Кажется, это были разбогатевшие дельцы из Сибири. У них там, в Сибири, может быть, презервативами и не пользуются, но с моими девочками они обязаны это делать. Хорошо работать сутенерам в Голландии или в Бельгии. Там таких проблем не существует! Если клиент отказывается надеть презерватив, проститутка вызывает полицию и выдворяет его на улицу. При этом его могут арестовать и за покушение на убийство. Там все грамотные, болеть СПИДом не хотят. А наши дурочки позволяют этим животным собой помыкать. Кстати, она наверняка взяла с него больше обычного. Ведь не за «спасибо» она пошла с ним на подобный контакт. Значит, нужно уточнить, сколько денег она от меня утаила.

– Найдем кого-нибудь другого вместо Галины, – я мучительно соображаю, кого именно можно послать.

– У Луизы есть одна знакомая, – говорит мне Валентина, – я ее знаю. Очень хорошая девочка. Если нужно идти втроем, лучше мы возьмем ее.

– Какая знакомая? – нервно интересуюсь я. – Только посторонних мне не хватало.

– Вы ее знаете. Она уже несколько раз с нами ездила. Это Кира. Вы должны помнить, что она родственница Луизы.

– Какая Кира?

Я вспоминаю молодую девочку, которую привела Луиза. Кажется, я даже не успел ее проверить. Она всегда ездит вместе с Луизой. В последний раз на эту дуреху жаловались. Она держится как деревянная, ничего не умеет. Только в паре с Луизой хорошо работает. Видимо, та опекает эту Киру. Кажется, Луиза мне говорила, что это ее родственница из Подмосковья. Нужно проверить эту дурочку, прежде чем пускать к такому известному клиенту. Хотя это Валентины не касается.

– Посмотрим, – бормочу я. Настроение мое было испорчено. Сначала я узнаю, что одна из моих девочек позволила себе вольности в Чехии, потом выясняется, что она отправилась на аборт, ничего мне не сказав. И, наконец, об этом мне сообщает не Семен Никитин, не мои люди, а другая девочка, когда уже все решено. Я уж не говорю о деньгах, с которыми меня явно обманули. Боюсь, что Галину придется проучить. Нет, я их, конечно, не бью. Но для таких целей у меня есть нужные люди. Я поднимаюсь, чтобы уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.